

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова^a
(madina2405@mail.ru)

Анна Владимировна Верещагина^b
(anrietta25@mail.ru)

^a Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

^b Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Цитирование: Шахбанова М.М., Верещагина А.В. (2021) Динамика религиозности городского населения Дагестана. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 144–180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.6>

Аннотация. Религиозный фактор в истории человечества всегда играл важную роль. Его влияние имело как положительные, так и разрушительные последствия в различные эпохи. На современном этапе влияние этого фактора столь же неоднозначно, но очевидно, что оно связано с новым витком трансформации религиозности на пересечении светского и сакрального в пространстве повседневности. Облик дагестанского общества, переживающего в некотором роде, как и многие другие регионы постсоветского пространства, религиозный ренессанс, во многом зависит от вектора религиозной трансформации, индикатором которой выступают степень, характер и динамика религиозности населения в соотношении с особенностями культового поведения. В работе в фокусе социологического внимания оказывается религиозность городского населения Дагестана, индикатором измерения которой в динамическом аспекте выступает понятие «истинно верующий человек», его смысловое наполнение как определяющее при анализе религиозной идентичности и религиозного поведения человека. Эмпирическая верификация заложенных на уровне исследовательского замысла идей осуществлялась на основе результатов авторских социологических опросов городского населения Дагестана: в 2020 г. (N = 563) и в 2014 г. (N = 704). Полученные результаты исследования в динамике лет стали основанием для вывода о наблюдающейся эрозии противопоставления «секулярное — религиозное», о размывании между двумя мирами при глубоком проникновении в ткань социальных отношений и институциональную организацию дагестанского социума норм и принципов религиозного характера. В качестве приращения нового знания в данном предметном поле социологии следует считать итоговый вывод о том, что сценарий роста религиозности среди городского населения Дагестана не связан с активным ритуальным поведением, что свидетель-

ствуует об изменениях на уровне религиозного мировоззрения. Их отслеживание на уровне социологических замеров представляет собой перспективное направление последующих исследований ввиду значительной зависимости социокультурной динамики дагестанского общества от религиозного фактора.

Ключевые слова: религиозность, городское население, городское пространство, религия, культовое поведение, параметры религиозности, дагестанское общество.

Введение

Постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов, к числу которых относятся процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает» (Кублицкая 1990: 95). Иными словами, проблема религиозного ренессанса постсоветского периода довольно активно обсуждалась в научном сообществе на волне перестройки, гласности и демократизации общества, хотя его важность осознается только с распространением в обществе радикальных религиозных идей. Следует отметить, что религиоведы были заняты объяснением и анализом основы заметного роста интереса к религии, причем в обществе тотального распространения атеистической идеологии, каковой была социалистическая система. Поэтому вполне закономерно возникновение вопроса, как получилось, что общество, воспитанное на атеистических идеях и мировоззренческих убеждениях, в одночасье утратило свою идеологию и без особых усилий ударились в другую крайность — апеллирование к религиозным постулатам, демонстративная религиозность и активное культовое поведение населения, участие в религиозных праздниках и т.д.

Согласно мнению Л.М. Митрохина, «в советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, религиозным организациям было запрещено самостоятельно вести какую-либо деятельность (даже благотворительную)» (Митрохин 1995: 79), поэтому они (религиозные организации. — *Авт.*) не могли заниматься активной религиозной практикой, а провозглашение на волне перестройки идей демократии и свободы слова способствовало мощному религиозному возрождению в российском обществе (Рамазанов 2018). В научной среде имеет место позиция, что в социалистическом обществе изучением места и роли религиозного компонента занимался сравнительно узкий круг исследователей. В настоящее время религиозная проблематика актуализировалась, ибо наблюдается широкое вовлечение

большого пласта людей в конфессиональную сферу, следовательно, появились и появляются культовые здания, в которых могут собираться верующие. Кроме того, если раньше духовное лицо и его проповеди не имели распространения и значения, то сейчас можно наблюдать заметное усиление воздействия религиозного мировоззрения на сознание людей. Более того, на первой волне религиозного возрождения как сама власть, так и политические деятели начали широко эксплуатировать религиозную тематику, например Исламская партия возрождения (1990), которая пыталась принимать активное участие в политической жизни российского государства. Не отставали от политических деятелей и люди, придерживающиеся атеистических взглядов, рассматривая вероучение как базу для формирования морально-нравственных установок в обществе. Все рассуждения носили достаточно поверхностный характер, причем без объективного подхода и оценки критически переосмысливалось атеистическое наследие.

Таким образом, наблюдается активизация исследований религиозного фактора в современном российском обществе по целому ряду причин, среди которых широкая вовлеченность населения в религиозные процессы, распространение различного рода сект (например, «Бог Кузя»), т.е. на смену атеизму пришли различные мистические и оккультные убеждения, потому что слово «атеизм» превратилось в бранное, а его приверженцам стали вменять в вину разрушение нравственности, вандализм по отношению к памятникам культуры и даже массовые репрессии. «Главной причиной интереса к религии были не “положительные” конфессиональные ценности, а противостояние прежней авторитарной, “принудительной” идеологии, стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию» (Митрохин 1995: 80).

Рост влияния традиционно устойчивой религиозной составляющей на организацию приватного и публичного пространства населения Дагестана определяет актуальность выбранного тематического направления с учетом того, что и модернизационные тенденции проникают в систему религиозных отношений населения республики, определенным образом сказываясь на его религиозном сознании и поведении.

Обзор литературы

Даже поверхностный взгляд на феномен «религиозность» показывает, что он является очень сложным по своей структуре, содержанию и смыслу, более того, каждый исследователь вкладывает в этот феномен свое понимание, тем самым еще более усложняя его изучение. Например, в православии исследование религиозности проводится через призму определения воцерковленности, которое есть «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение установленного в ней образа жизни

и образа мыслей» (Чеснокова 2005: 11). По мнению М.Ю. Смирнова, «сам термин (воцерковленность. — *Авт.*) является рецепцией из церковно-православного лексикона от понятия “воцерковление”, подразумевающего включенность православного верующего во все религиозные действия, обязательные для церковной жизни» (Смирнов 2014: 139).

Ряд отечественных исследователей отмечает, что социология религии в российской науке не представляет собой «теорию среднего уровня, обладающую научным весом, опирающуюся на богатую традицию и научные школы, которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества» (Анурин 2013: 136). Такая позиция, по мнению авторов, не в полной мере соответствует действительности, ибо в трудах исследователей советского периода религиозная проблематика, несмотря на доминирование атеистической идеологии, занимала определенную нишу и для этого имела объективную основу. Несмотря на декларирование официальной властью атеизма и стремление внедрить его положения в общественное сознание, реалии свидетельствовали о том, что вероучение осуществляло важную функцию в жизни людей, особенно носителей мусульманства, например в семейно-брачной и похоронно-обрядовой сферах. Подтверждением позиции авторов являются методологические разработки по изучению секуляризации населения Р.Г. Балтанова (Балтанов 1973), Е. Дулумана (Дулуман, Романец 1974), В.Д. Кобецкого (Кобецкий 1978), А.А. Лебедева (Лебедев 1970), Б. Лобовика (Лобовик 1982), В.Г. Пивоварова (Пивоваров 2009), В.А. Сапрыкина (Сапрыкин 1990), В. Танчера (Танчер 1979), Д.М. Угриновича (Угринович 1985), И.Н. Яблокова (Яблоков, 1979) и других, которые в той или иной степени затрагивали вопросы религиозности населения, активности/пассивности их культурного поведения. Разумеется, в советской науке (следует оговорить — общественной, ориентированной исключительно на марксистско-ленинскую философию и атеистическое воспитание) наблюдалось ограничение поля исследования, отсутствие возможности для целенаправленного изучения специфики религиозного сознания и поведения советского человека. Мы разделяем позицию Е.Д. Руткевич о том, что в настоящее время переосмысливаются ранее существовавшие теории и появляются «новые, более “мягкие”, приближенные к реальности, теории нео- и контрсекуляризации, склонные к конвергенции с новой парадигмой, с теорией рационального выбора религии (ТРВР) и другими теориями» (Руткевич 2017: 133).

Необходимо отметить, что трансформация концепций о функциях религии, выраженности религиозности обуславливают появление новых парадигм. Так, П. Бергер является сторонником секуляризации («евро-

секулярность») (Berger 1999; Berger, Davie, Fokas 2008). Если в конце XX столетия приоритетной была теория, которая при анализе религиозных процессов подчеркивала снижение веса религиозного компонента («традиционная западная перспектива»), то в современный период можно констатировать появление так называемой «новой парадигмы», которая представлена такими исследователями, как С. Уорнер, Р. Финке и Р. Старк (Finke, Stark 1986) (авторы «теории предложения» (supply-side theory) (Stark, Bainbridge 1985), С. Бэйнбридж (Bainbridge 2007; Stark, Bainbridge 1996; Stark, Bainbridge 1996). Кроме того, заслуживает внимания график религиозности Д.Т. Гранта, который он обозначил как «Великий упадок» (Grant 2008).

В современном научном дискурсе религиозности имеются и иные точки зрения. Так, Д.М. Угринович трактует «религиозность» как «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп», в содержательном плане рассматривая ее как «определенное состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» (Угринович 1985: 127). И.Н. Яблоков определяет религиозность как «социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств» (Яблоков 1979: 123). Р.А. Лопаткин рассматривает религиозность как «определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» (Государственно-церковные отношения в России 1996: 194).

В последнее время в научной литературе появились новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д. Таковой является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности, и она подробно рассмотрена В.Б. Исаевой. Под феноменом нетрадиционной религиозности, следуя типологической классификации Р. Старка и У. Бэйнбриджа, подразумеваются три типа движений: «а) схизматические (секты), б) культурная инновация (новые религиозные движения и культы, не имеющие исторических аналогов), в) культурный импорт (религии, традиционные для определенных территорий, перемещающиеся в неавтохтонные для них социокультурные ареалы)» (Исаева 2019: 39). Большой вклад в разработку теории деприватизации религии внес Х. Казанова (Casanova 1994; 2008): «Согласно концепции Казанова, сегодня мы становимся свидетелями глобального процесса “деприватизации религии”, когда мировые религи-

озные традиции отказываются принять роль маргинальной приватизированной религии, предписанной им теориями секуляризации» (Руткевич 2017: 139). Депривационное объяснение религии не является новым подходом в русле социологии религии, ибо его базовые положения были разработаны К. Марксом и М. Вебером, которые рассматривали ее (религию. — *Авт.*) в разрезе классового неравенства и противоречий капиталистического общества XIX в. (Исаева 2019: 40). Однако данный подход критически переосмысливается в современной науке. Таким образом, если исследователи ключевыми факторами появления новых конфессиональных общностей или групп считали конфликт и экономический компонент, то в последующем можно было наблюдать изменение существовавших методологических подходов, в частности у Р. Старка (Stark, Glock 1965), Ч. Глока (Glock 1964), Б. Уилсона (Wilson 1961).

Научный интерес к исламской проблематике также имеет свою историю, связанную с развитием исламской антропологии в трудах К. Гирца (Гирц 1968) и Э. Геллнера (Гелнер 1969). В качестве предмета исламской антропологии было обозначено изучение «народного» ислама, т.е. специфики мусульманской религиозной практики на локальном уровне: «Цель комплексного изучения религии — не просто описать идеи и институты, но определить, как эти идеи и институты поддерживают или не поддерживают, а может, даже сдерживают религиозную веру» (Geertz 1968: 2). Включив ислам и модернизацию в единый методологический концепт исследования, Э. Геллнер использует аналогию с маятником и утверждает, что успех модернизации (больше/меньше) определяет степень выраженности «городского ислама» (Gellner 1968), ибо, во-первых, возможности «городского ислама» больше, а во-вторых, он является основой для формирования идентичности (Gellner 1981: 58). Комплексный научный труд в области осмысления мусульманского сознания принадлежит А. Бенингсену (Бенингсен 1983: 68–69). По утверждению А. Бенингсена и С.Э. Уимбуша, в своих трудах подробно проанализировавших роль каждого из тариков в освободительной борьбе горцев, доминирующим признаком сознания горского населения является общеисламское сознание (Beningsen, Wimbush 1985: 78). Его роль в формировании мусульманской идентичности рассмотрена Д. Эрвье-Леже (Эрвье-Леже 1999).

Заметную роль в русле европейского ислама и необходимости его модернизации сыграл Тарик Рамадан, который, являясь приверженцем идеи ослабления некоторых шариатских положений, выступает за мирную адаптацию исламского населения в новой этнокультурной среде (Ramadan 1999; 2004). Таким образом, появление в научном сообществе идей о смягчения или трансформации глубины религиозности в мусульманстве

обусловило появление в рамках европейской политической мысли теории «модернизация ислама», в то время как в российском научном пространстве утверждается идея о культурном исламе как следствии секуляризации в исламском мире (Насыров 2018).

Индикаторы измерения религиозности. Любое социальное явление характеризуется определенным набором индикаторов измерения. Религиозность не исключение, но индикаторы ее эмпирического измерения дифференцируются в зависимости от концептуальных позиций и подходов исследователей. Так, методика Д.М. Угриновича включает в себя 49 эмпирических признаков, определенное соотношение которых позволяет относить индивида к тому или иному типу религиозности (Угринович 1985: 143). Более упрощенный по сравнению с методикой Д.М. Угриновича подход предлагает Ф.Н. Ильясов, утверждая что «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак “вера», другой — “отношение к религиозной (атеистической) деятельности»... по горизонтали размещают значения показателя “участие в религиозной (атеистической) деятельности”, по вертикали — “вера” и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности» (Ильясов 1987: 51). И.Н. Яблоков по такому критерию, как религиозная ориентация, выделяет следующие типы религиозности людей: «1) верующие, у которых определяющей жизненной ориентацией выступает религиозная ориентация; 2) верующие, у которых религиозная ориентация является важной, но не определяющей, а рядоположенной с другими; 3) верующие, у которых религиозная ориентация подчинена нерелигиозным; 4) колеблющиеся между верой и неверием» (Яблоков 1979: 130). Н.П. Алексеев критерием религиозности считает веру в существование Бога, а все остальные признаки религиозности — участие в богослужениях, отправление различных обрядов, которые нередко берутся за основу суждений о религиозной принадлежности, по его утверждению, являются второстепенными (Алексеев 1967: 134). Аналогичной позиции придерживается А.А. Лебедев, предложивший типологию, согласно которой на одном полюсе располагаются убежденные верующие, ведущие религиозную пропаганду, а на другом — убежденные атеисты (Лебедев 1970).

Указанные подходы к религиозности и ее типологии отличает то, что они «не допускают даже возможности возникновения новых типов религиозности, не укладывающихся в традиционные представления. Главный признак религии — вера в Бога или в сверхъестественное (сюда добавляется еще целый перечень сугубо христианских идей), а главные признаки религиозности — религиозное сознание и религиозное поведение, под-

разумевающее аккуратное исполнение всех предписанных (в традиционном христианстве) действий» (Узланер 2010: 67).

Несмотря на наличие серьезного научного пласта в области изучения религиозности и религиозного поведения россиян, в среде отечественных религиоведов, впрочем, как и социологов, серьезные нарекания вызывает методика исследования религиозности «В-индекс». Если одни социологи в своих исследованиях религиозности широко его применяют (М.С. Алексеева, О.А. Богатова, в модифицированном виде Ю.Ю. Синелина), то другие с качественной и количественной позиций критикуют с аргументацией «во-первых, в крайне слабом присутствии вопросов о религиозном сознании... Во-вторых, нелогичность многих имеющихся шкал, не соответствующих кумулятивному принципу, морфологическому подходу и правилам комбинаторики... В-третьих, алгоритм обработки эмпирических данных существенно искажает картину воцерковленности в сторону ее повышения» (Лебедев, Сухоруков 2013: 126). По мнению К.С. Дивисенко, критерием религиозности может служить экспансия религиозного жизненного мира в иную конечную область смысла, а именно в повседневность (Дивисенко 2011: 98).

Таким образом, анализ существующих в рамках современной социологии религии концептов и подходов в исследовании религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения, определения критериев отнесения индивида к подгруппам верующий/неверующий и т.д. свидетельствует, что в научном сообществе происходят бурные дискуссии при 1) определении критериев измерения уровня и степени религиозности человека; 2) классификации когорты «верующие и неверующие»; 3) установлении численности последователей определенного вероисповедания. И, к сожалению, общепринятой методики, позволяющей получить ответы на поставленные вопросы, в научных кругах еще не выработана. Сложность заключается в существовании несогласованности между двумя ключевыми параметрами: самоидентификация (верующий/неверующий) и культовое поведение как обозначение своего отношения к вере и интенсивности следования религиозным практикам.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составляют социологические исследования, проведенные в 2014 и 2020 гг. в рамках изучения религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Основным методом исследования — стандартизированный массовый опрос. В 2014 г. было опрошено 1429 чел., из них 704 чел. в городской местности: Дербент (N=153), Каспийск (N=76), Махачкала (N=209), Хасавюрт (N=172),

Кизляр (N=94). В 2020 г. было опрошено население Дагестана в городах Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт (N=563). Махачкала (N=236) в возрасте от 16 лет и старше, Хасавюрт N=157, Дербент N=91, Каспийск N=79. Из общего массива опроса 2014 г. отдельно выделен подмассив городского населения с целью выявления динамики происходящих в массовом сознании городского населения Дагестана трансформаций. Мужской подмассив в исследовании составил 271 чел. (48,1 %), женский — 292 (51,9 %).

Репрезентативность исследовательского проекта обосновывается посредством реализации многоступенчатой стратифицированной пропорциональной выборки. Опрос проведен с учетом географического положения Дагестана, следовательно, был осуществлен в городах, расположенных в северной (Кизляр, Хасавюрт), равнинной (Махачкала, Каспийск) и южной (Дербент) зоне республики, которые отличаются: а) поликонфессиональностью (православные — мусульмане, внутри ислама — сунниты и шииты), б) типу религиозности, в) спецификой религиозного поведения (активные/пассивные), выраженной определенным типом религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий).

Выбор городского населения Дагестана объектом исследования обусловлен следующими обстоятельствами:

- городская среда отличается полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, что в условиях роста противоречий на почве этнорелигиозных отношений и разногласий, обозначившегося внутриисламского раскола в форме противостояния между традиционалистами и салафитами определяет интерес именно к городскому населению Дагестана;
- сельская местность, в отличие от городской, традиционно отличается высоким уровнем религиозности населения, несмотря на доминирование в советский период атеистической идеологии, отсутствие культовых зданий, религиозного мусульманского образования и т.д., однако в современном дагестанском городе уровень религиозности и активность культового поведения населения значительно возросли на фоне мощного исламского возрождения, строительства масштабных мусульманских центров, крупных мечетей, появления исламских образовательных центров. Более того, изменился внешний облик городского последователя ислама — мужчины и женщины (хиджаб) носят одежду свободного покроя, хотя такая форма одежды нехарактерна для традиционного дагестанского общества и даже вызывает нарекания и недовольство среди жителей современного Дагестана.

Исследовательская гипотеза строилась на следующих позициях:

- для «истинно верующего» человека характерно: а) строгое следование пяти столпам ислама (шахада, намаз, ураза, закят и хадж), б) соответствие между тем, «что должен делать верующий человек» и «что делает верующий человек», т.е. активность/пассивность ритуального поведения;
- в общественном сознании населения Дагестана существует отождествление нравственного и религиозного параметров, согласно которому человека, самоидентифицирующегося как «верующий», изначально рассматривают как олицетворение нравственности, что не всегда соответствует реалиям;
- проникновение религиозного компонента в социальную ткань российского общества и дагестанского в том числе имеет негативные последствия, особенно стремление духовных лиц активно участвовать в политической жизни государства.

Эмпирическая верификация указанных исследовательских установок базируется на индикативах, заложенных в теоретической традиции социологического изучения религиозности Ф.Н. Ильясовым (показатели «участие в религиозных обрядах» и «вера в сверхъестественное») (Ильясов 1987) и Н.П. Алексеевым (классификация типов религиозности: верующие — «активные/пассивные», колеблющиеся — «последовательные/непоследовательные», неверующие — «активные/пассивные») (Алексеев 1967). Под религиозностью понимается «социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозные свойства» (Яблочков 1979), а ключевым индикатором ее измерения выступает понятие «истинно верующий человек», которое оценивается через характер многообразных форм ритуального поведения (молятся, посещают религиозные службы, читают священные книги и т.д.) (Анурин 2013).

Результаты исследования

Прежде чем перейти к изложению сути «верующий человек», по мнению авторов, необходимо показать самоидентификацию опрошенного населения с исламским вероучением по социально-демографическому параметру. Так, эмпирический материал (опрос 2020 г.) на вопрос «К какой религии вы себя относите?» показывает, что носителем исламского вероучения себя считают 75,7 % мужчин и 83,8 % женщин, 69,4 % с базовым средним, 80,3 % со средним, 84,0 % средним специальным и 80,0 % высшим образованием. Если среди респондентов со средним, средним специальным и высшим образованием, придерживающихся суждения «в Бога (Аллаха) верю, но не исповедую конкретную религию» составляет 8,7, 8,4, 8,9 % соответственно, то доля

таковых больше в подмассиве с базовым средним образованием — 11,1 %. При этом атеистами себя считает статистически незначимая часть опрошенного городского населения: 2,8 % с базовым средним, 4,7 % со средним, 1,7 % средним специальным и 4,1 % высшим образованием.

Не менее важным является вопрос о существовании или отсутствии статистически значимых связей в распределении ответов на вопросы об «истинно верующем человеке» и о том, что он должен делать (табл. 1, 2).

Анализ данных по социально-демографическим параметрам показывает отсутствие существенных отличий в определении «истинно верующий человек». То есть независимо от возраста, гендерной принадлежности, образовательного статуса, отношения к религии в массовом сознании респондентов преобладают суждения, на основе которых опрошенное население к истинно верующему относит того человека, который «соблюдает требования имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы)», «живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания», «нравственно (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере», а также полагает, что «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек».

Ответы на вопрос «Как вы думаете, что должен делать верующий человек?» свидетельствуют о том, что в нормативном поведении по гендерной принадлежности существуют отличия, в частности в необходимости посещения религиозного богослужения по пятницам. Среди женщин почти в 1,5 раза в сравнении с мужчинами меньше доля, указывающих на необходимость посещения мечети, однако такая позиция обусловлена тем, что богослужение посещают только мужчины, что и определяет позицию опрошенного женского населения, при этом среди женщин, больше указывающих на обязательность совершения паломничества, выплату религиозного налога и совершения намаза. Иными словами, можно утверждать, что женское население более религиозно и более тщательно соблюдает религиозные постулаты, чем мужское. Аналитика по образовательному признаку респондентов не выявила заметных отличий в религиозных установках опрошенного населения, за исключением результатов по варианту ответа «я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком». По возрастному критерию наблюдается ситуация, когда с его повышением уменьшается количество придерживающихся необходимости жесткого следования религиозным предписаниям, и здесь особо выделяется подмассив старше 60 лет, т.е. поколение, воспитанное на атеистической идеологии и мировосприятии, и, несмотря, на возросшую роль ислама в современном дагестанском обществе, оно не изменило свои мировоззренческие установки.

Таблица 1
 Распределение ответов на вопрос «Кого вы считаете истинно верующим человеком?» (%)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Отношение к религии				
														Убежденно верующий	Верующий	Колесно-щийся		
	Того, кто соблюдает требования имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы)	Того, кто регулярно посещает мечеть	Того, кто соблюдает пост	Того, кто регулярно читает религиозные тексты	Того, кто посещает святые места	Того, кто постоянно посещает религиозные службы	Того, кто постоянно празднует религиозные праздники	Того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания	Того, кто живет по законам шариата	Того, кто постоянно выплачивает религиозный налог (закят)	Того, кто совершил паломничество	Нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от его отношения к вере	Истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек					
	84,9	19,0	24,4	15,1	11,2	4,9	9,3	32,2	34,6	16,1	15,6	18,5	26,8					
	66,1	15,9	21,4	14,0	14,4	3,3	8,1	32,8	21,8	7,7	10,3	21,8	36,9					
	46,5	18,6	14,0	14,0	14,0	2,3	7,0	18,6	20,9	7,0	11,6	32,6	32,6					

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Неверующий	26,3	26,3	10,5	10,5	5,3	0	21,1	26,3	10,5	21,1	0	26,3	63,2
Убежденно неверующий	11,1	11,1	11,1	11,1	27,8	5,6	0	5,6	11,1	5,6	5,6	27,8	61,1
Образование													
Базовое среднее	72,2	33,3	33,3	30,6	22,2	2,8	13,9	2,8	22,2	8,3	19,4	19,4	30,6
Среднее	79,5	20,5	24,4	18,9	15,7	4,7	12,6	34,6	28,3	14,2	15,0	21,3	32,3
Среднее специальное	71,4	16,8	17,6	15,1	9,2	5,0	9,2	32,8	29,4	12,6	12,6	16,8	37,8
Высшее	61,6	16,2	21,4	9,6	13,7	3,3	6,3	29,2	22,9	10,3	9,2	24,4	35,4
Возраст													
До 20 лет	87,2	20,5	29,1	17,9	13,7	2,6	10,3	25,6	27,4	12,8	16,2	18,8	29,1
От 20 до 30 лет	72,3	18,2	24,1	13,1	15,3	3,6	7,3	29,9	29,9	7,3	9,5	24,1	32,8
От 30 до 40 лет	60,5	24,0	20,9	15,5	17,8	4,7	9,3	31,0	23,3	14,7	10,9	21,7	31,8
От 40 до 50 лет	62,7	8,4	9,6	4,8	9,6	2,4	7,2	25,3	16,9	9,6	6,0	14,5	41,0

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
От 50 до 60 лет	55,2	13,4	16,4	20,9	6,0	3,0	6,0	32,8	22,4	13,4	10,4	20,9	38,8
От 60 лет и старше	50,0	20,0	26,7	16,7	16,7	13,3	20,0	50,0	36,7	16,7	30,0	43,3	56,7
Пол													
Мужской	68,3	24,3	21,3	17,8	17,8	5,2	12,2	27,8	23,5	13,9	11,3	20,4	29,6
Женский	68,2	14,4	22,0	12,5	10,7	3,1	6,7	31,8	26,6	9,8	12,5	22,6	38,8
Всего:	68,3 / 58,8	17,4 / 17,7	21,2 / 21,7	14,2 / 15,2	13,3 / 11,6	3,8 / 12,5	8,6 / 14,0	30,4 / 40,4	25,7 / 16,9	11,2 / 7,6	11,9 / 10,8	21,8 / 24,5	34,5 / 40,4

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов; вторая цифра в графе «Всего» — данные социологического опроса 2014 г.

Таблица 2
 Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, что должен делать верующий человек?» (%)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Свершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог (закат)	Свершить памяничество (хадж)
Отношение к религии									
Убежденно верующий	45,4	72,2	29,3	84,9	16,6	34,1	2,4	43,4	40,0
Верующий	28,4	61,3	24,0	76,0	9,2	29,2	14,4	35,4	33,9
Коллеблющийся	23,3	34,9	25,6	55,8	16,3	23,3	18,6	18,6	20,9
Неверующий	15,8	10,5	21,1	15,8	10,5	26,3	26,3	10,5	5,3
Убежденно неверующий	11,1	11,1	0	27,8	11,1	11,1	55,6	11,1	5,6
Образование									
Базовое среднее	33,3	55,6	27,8	63,9	11,1	33,3	5,6	16,7	11,1
Среднее	38,6	69,3	31,5	77,2	13,4	32,3	11,8	37,0	38,6

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Среднее специальное	37,0	58,8	25,2	73,9	13,4	27,7	8,4	35,3	34,5
Высшее	29,5	57,2	22,1	74,9	12,5	29,5	14,4	36,5	33,2
Возраст									
До 20 лет	41,9	70,9	39,3	82,9	12,0	31,6	8,5	35,9	35,0
От 20 до 30 лет	38,0	69,3	27,0	81,0	13,9	32,8	7,3	42,3	43,1
От 30 до 40 лет	34,9	58,1	26,4	76,0	12,4	24,8	10,9	38,8	33,3
От 40 до 50 лет	19,3	49,4	8,4	66,3	7,2	27,7	19,3	26,5	28,9
От 50 до 60 лет	26,9	49,3	17,9	56,7	19,4	37,3	14,9	26,9	16,4
От 60 лет и старше	26,7	36,7	23,3	56,7	20,0	23,3	23,3	20,0	26,7
Пол									
Мужской	43,0	60,4	27,8	70,0	17,0	29,6	10,0	30,0	29,1
Женский	26,6	60,6	23,9	77,1	10,1	30,9	13,5	38,8	35,5
Всего:	33,3 / 38,9	59,9 / 70,1	25,2 / 49,0	74,1 / 75,9	12,6 / 37,6	29,9 / 58,7	12,1 / 9,2	35,4 / 26,3	33,3 / 26,7

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов; вторая цифра в графе «Всего» — данные социологического опроса 2014 г.

Поведенческие установки и практики в религиозной сфере во многом определяются мировоззренческими установками и восприятием самого понятия «верующий человек», динамикой этого религиозного конструкта. И результаты массового опроса населения Дагестана 2014 и 2020 гг. позволяют высказать ряд суждений относительно динамики такого религиозного конструкта, как «истинно верующий человек» (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Кого вы считаете истинно верующим человеком?» (%)**

Варианты ответов / Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Того, кто соблюдает требования имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы)	84,9	66,1	46,5	26,3	11,1	68,3 /58,8
Того, кто регулярно посещает мечеть	19,0	15,9	18,6	26,3	11,1	17,4 /17,7
Того, кто соблюдает пост	24,4	21,4	14,0	10,5	11,1	21,2 /21,7
Того, кто регулярно читает религиозные тексты	15,1	14,0	14,0	10,5	11,1	14,2 /15,2
Того, кто посещает святые места	11,2	14,4	14,0	5,3	27,8	13,3/11,6
Того, кто постоянно посещает религиозные службы	4,9	3,3	2,3	0	5,6	3,8/12,5
Того, кто постоянно празднует религиозные праздники	9,3	8,1	7,0	21,1	0	8,6/14,0
Того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания	32,2	32,8	18,6	26,3	5,6	30,4/40,4
Того, кто живет по законам шариата	34,6	21,8	20,9	10,5	11,1	25,7/16,9
Того, кто постоянно выплачивает религиозный налог (закят)	16,1	7,7	7,0	21,1	5,6	11,2 /7,6
Того, кто совершил паломничество	15,6	10,3	11,6	0	5,6	11,9/10,8

Окончание таблицы 3

Варианты ответов / Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере	18,5	21,8	32,6	26,3	27,8	21,8/24,5
Истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек	26,8	36,9	32,6	63,2	61,1	34,5/40,4

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов; вторая цифра в графе «Всего» — данные социологического опроса 2014 г.

Эмпирические данные показывают доминирование с большим отрывом позиции, согласно которой истинно верующим является человек, который «соблюдает требования имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы)». По типу религиозности данное суждение разделяет больше половины опрошенных в подгруппах убежденно верующих и верующих, одна вторая часть в подмассиве колеблющихся и каждый четвертый самоидентифицирующийся как неверующий. Треть опрошенного городского населения истинно верующим считает того, «кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания», и по типу религиозности данное положение ближе одной трети респондентов в подмассиве убежденно верующих и верующих, а также каждому четвертому в подгруппе неверующих. Четвертое ранговое место занимает позиция «кто живет по законам шариата», причем можно заметить, что доля верующих, придерживающихся данного суждения, в сравнении с подгруппой убежденно верующих заметно меньше. В рамках выявления существующих в массовом сознании городского населения установок в определении «истинно верующий» интерес представляет роль и место нравственного компонента в нем, ибо каждое вероучение четко сформулировало морально-нравственные установки, которых должен придерживаться человек в разных социальных сферах. Суждение «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек» занимает второе ранговое место и его отметило больше половины опрошенных

в подгруппах убежденно неверующих и неверующих, одна треть верующих и колеблющихся, заметно меньше доля таковых в подгруппе убежденно верующих (каждый четвертый респондент). Кроме того, пятая часть опрошенного городского населения, каждый третий в подгруппе колеблющихся, четвертая часть самоидентифицирующихся как убежденно неверующие и неверующие, каждый пятый в подмассиве верующих к когорте «истинно верующий» относят «нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере». Видимо, здесь проявляется наличие в религии определенного набора установок, норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации, причем социализации различного уровня: первичная религиозная социализация, которая заключается в религиозном воспитании, полученном в детские годы, и вторичная религиозная социализация (приход к вере и соответствующие практики в более позднем возрасте). «Именно первичная социализация оказывает наиболее значимое влияние на формирование норм и ценностей... как фактор, объясняющий отсутствие (или очень слабую) связь между религиозностью и ценностями в постсоциалистических странах, где ранняя религиозная социализация практически отсутствовала, и массовое обращение населения к религии в последние десятилетия не повлекло соответствующего изменения ценностей и норм» (Пруцкова 2013: 82).

Результаты исследования позволяют также констатировать, что вкладываемый опрошенными смысл в понятие «истинно верующий человек» оторван от требуемого конфессией культового поведения: вес таких показателей, как посещение мечети, совершение намаза, соблюдение поста, посещение святых мест и религиозных служб, празднование религиозных праздников, заметно снижен на фоне иных индикаторов, причем в установках респондентов, относящихся по типу религиозности к подгруппе «убежденно верующий» и «верующий».

Таким образом, можно сделать вывод, что религиозность населения не всегда проявляется на уровне регламентированного религией культового поведения, подразумевающего следование определенным практикам. Как показывают результаты ответов респондентов на вопрос «Кого вы считаете истинно верующим человеком?», доля обозначающих важность религиозной практики в определении сути понятия «истинно верующий человек» не очень большая. И здесь можно еще раз обратиться к эмпирическому материалу, полученному при ответах респондентов на вопросы «Как часто вы посещаете мечеть?», «Как часто вы совершаете намаз?», «Как часто вы читаете религиозные тексты (Коран и т.д.)?», «Как часто вы соблюдаете пост (Уразу)?», «Как часто вы выплачиваете религиозный налог

(закят)?» Результаты показали, что доля регулярно (постоянно) соблюдающих эти предписания не очень большая. Поэтому религиозность вполне может проявляться в форме консолидации, обеспечении нравственных оснований социального взаимодействия по сравнению с показателями конфессиональной вовлеченности (молитва, чтение священных текстов, соблюдение поста, посещение святых мест, религиозных служб и т.п.).

Приведенные в таблице 3 результаты исследования по годам (2014 и 2020) показывают динамику по некоторым параметрам: заметно выросла доля выбравших суждения «кто соблюдает требования имана (вера в единого Бога, ангелов, священные книги, пророков, Судный день, предопределение судьбы)», «кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания», «нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере», «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек», что свидетельствует о перемене установок в массовом сознании опрошенных. Можно предположить, что выделение собственно нравственного параметра как определения содержания понятия «истинно верующий человек» может быть обусловлено критическим отношением и оценкой деятельности духовных лиц, отсутствием доверия к ним со стороны паствы.

Как известно, культура доверия, складывающаяся в многонациональном и поликонфессиональном пространстве, способна осуществлять ключевую роль в формировании как межрелигиозного, так и межэтнического согласия, сохранении стабильности и позитивного этноконфессионального климата, т.е. «культура доверия, складывающаяся в полиэтничном пространстве России, способна стать действенным фактором межэтнического согласия» (Рыжова 2019: 53). Кроме того, на состояние межнационального климата влияют миграционные процессы, вернее ориентированность/неориентированность как внутренних, так и внешних мигрантов адаптироваться в инокультурном пространстве, потому что миграция кардинально трансформирует этноконфессиональную карту региона их прибытия, «обостряя вызовы, связанные с напряжением межэтнических, межконфессиональных отношений принимающего населения и мигрантов» (Межнациональное согласие... 2018: 387).

Важнейшим параметром измерения отношения индивида к вероучению и выраженности типа религиозности, по утверждению исследователей религиозной проблематики, является регулярность следования правилам ритуального поведения, т.е. культовая практика, поскольку очень часто встречается ассоциация человека с конкретным вероисповеданием при полном или частичном отсутствии соблюдения культовых правил

(молитва, пост, посещение богослужения и т.д.). Такая картина закономерно обуславливает подразделение самоидентифицирующихся как «верующие» на «традиционно верующих» и «номинально верующих»: если первые демонстрируют активное религиозное поведение, то для вторых при обозначении своего отношения к вере (верующий/неверующий) характерна пассивная религиозная практика.

Исследователи ключевым в феномене религиозности считают культовое поведение как показатель проявления ее выраженности. Однако декларированное поведение очень часто отличается от реального, что подтверждается и результатами нашего исследования: при существовании обязательных для мусульманина предписаний ислама их не соблюдают при одновременной самоидентификации респондентом себя как «убежденно верующий человек». Поэтому в рамках исследования опрошенным был задан контрольный вопрос с целью установления соотношения между понятием «истинно верующий человек» и «обязанности истинно верующего человека» (табл. 4).

Эмпирический материал показывает, что в первую тройку входят следующие ключевые положения религиозного поведения мусульманина — молитва, соблюдение поста и выплата закята. Обращают на себя внимание установки подгруппы колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, придерживающихся позиции о необходимости соблюдения когортой самоидентифицирующихся как «верующие» вышеназванных религиозных постулатов. Довольно любопытна позиция большей половины убежденно неверующих и четвертой части неверующих, которая, не соблюдая ни одно из обязательных для мусульманина правил, ассоциирует себя с «убежденно верующим человеком», впрочем, как и установка каждого седьмого из подмассива верующих, которым также близко данное суждение. Существование такой позиции в массовом сознании, по исламскому вероучению недопустимой, имеет место в силу самого различного рода причин. Кроме того, можно предположить, что, самоидентифицируясь как неверующие, респонденты не готовы отказаться от своей принадлежности к вероисповеданию в целом. Более того, результаты опроса показывают, что вмняемые исламским вероучением принципы респонденты считают ключевыми для исполнения верующим человеком. Вместе с тем можно наблюдать заметное снижение веса некоторых индикаторов при повышении других: если позиция обязательного совершения пятикратного намаза остается неизменной, то заметно утрачены позиции необходимости регулярного посещения мечети и религиозных служб, соблюдения поста, чтения религиозных текстов, празднования религиозных праздников при росте необходимости выплаты религиозного налога

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как вы думаете, что должен делать верующий человек?» (%)**

Варианты ответов / Отношение к религии	Убедленно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убедленно неверующий	Всего:
Регулярно посещать мечеть	45,4	28,4	23,3	15,8	11,1	33,3/38,9
Соблюдать пост (Ураза)	72,2	61,3	34,9	10,5	11,1	59,9/70,1
Читать религиозные тексты	29,3	24,0	25,6	21,1	0	25,2/49,0
Совершать намаз	84,9	76,0	55,8	15,8	27,8	74,1/75,9
Посещать религиозные службы	16,6	9,2	16,3	10,5	11,1	12,6/37,6
Праздновать религиозные праздники	34,1	29,2	23,3	26,3	11,1	29,9/58,7
Я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	2,4	14,4	18,6	26,3	55,6	12,1/9,2
Выплачивать религиозный налог (закят)	43,4	35,4	18,6	10,5	11,1	35,4/26,3
Совершить паломничество (хадж)	40,0	33,9	20,9	5,3	5,6	33,3/26,7

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов; вторая цифра в графе «Всего» — данные социологического опроса 2014 г.

и совершения паломничества. Помимо этого, было зафиксировано увеличение доли придерживающихся позиции «я не соблюдаю ни одно из предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком». Такая позиция в массовом сознании жителей Дагестана закономерно вызывает вопрос «Можно ли считать истинным мусульманином человека, который не придерживается предписанных исламу для соблюдения норм?», который пока остается открытым, но весьма актуальным с учетом того, что среди верующих Дагестана достаточно распространенным, как было показано выше, является пассивное культовое поведение, хоть оно противоречит базовым положениям исламского вероучения.

С целью выявления существующего в массовом сознании дагестанских верующих соотношения между религиозным сознанием и религиозным поведением была составлена таблица сопряженности по вопросам «Кого вы считаете истинно верующим человеком?» и «Как вы думаете, что должен делать верующий человек?»

Таблица 5

**Распределение ответов на вопросы
«Кого вы считаете истинно верующим человеком?»
и «Как вы думаете, что должен делать верующий человек?» (%)**

Кого вы считаете истинно верующим человеком?	Как вы думаете, что должен делать верующий человек?								
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Совершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог	Совершить паломничество
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Того, кто соблюдает требования имана	42,2	71,9	30,5	86,2	15,1	34,9	4,7	41,4	40,4
Того, кто регулярно посещает мечеть	62,7	70,6	48,0	69,6	26,5	33,3	7,8	32,4	29,4
Того, кто соблюдает пост	49,2	82,0	41,0	88,5	18,9	40,2	4,1	44,3	44,3
Того, кто регулярно читает религиозные тексты (Коран и т.д.)	54,2	77,1	50,6	83,1	28,9	41,0	6,0	51,8	41,0
Того, кто посещает святые места	46,1	64,5	38,2	69,7	25,0	34,2	9,2	34,2	31,6
Того, кто постоянно посещает религиозные службы	68,2	81,8	50,0	86,4	59,1	54,5	0	59,1	50,0

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Того, кто постоянно празднует религиозные праздники	42,9	73,5	42,9	77,6	32,7	55,1	4,1	42,9	36,7
Того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания	34,9	75,1	32,5	88,2	17,2	40,8	5,9	50,3	44,4
Того, кто живет по законам шариата	36,4	76,9	32,2	87,4	18,9	35,7	2,1	51,0	46,2
Того, кто постоянно выплачивает религиозный налог (закят)	43,9	75,8	36,4	77,3	25,8	40,9	4,5	54,5	48,5
Того, кто совершил паломничество (хадж)	38,8	82,1	47,8	91,0	32,8	43,3	1,5	49,3	50,7
Нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере	22,1	63,9	/22,1	73,0	12,3	32,8	19,7	39,3	33,6
Истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек	23,4	50,3	22,8	64,0	16,2	32,0	22,8	39,6	35,5
Всего:	40,0	70,8	34,2	80,5	20,1	37,1	8,2	43,8	40,2

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов, в связи с чем общие данные превышают 100 %.

Эмпирический материал показывает, что подгруппы, которые «истинно верующим человеком» считают того, кто соблюдает требования имана, регулярно посещает мечеть, религиозные службы, святые места, читает религиозные тексты, выплачивает религиозный налог (закят), празднует религиозные праздники, соблюдает пост, живет по законам шариата и религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания, совершил паломничество, в религиозной практике считают ключевой молитву, т.е. пятикратное совершение намаза (80,5 %). На второй позиции

располагается важность соблюдения поста (70,8 %), выплата религиозного налога (закят) (43,8 %), а третье ранговое место занимает совершение паломничества (40,2 %). Далее отмечается важность посещения мечети (40,0 %), что определяется тем, что мусульмане каждую пятницу в мечети совершают коллективную молитву. Кроме того, широко мусульманское население отмечает два важнейших религиозных праздника — Ураза-байрам и Курбан-байрам, и на их важность в нормативной практике указывают 37,1 % респондентов. Таким образом, соотношение религиозного сознания с религиозным поведением показало, что обязательными для мусульманина являются такие религиозные постулаты, как: а) исповедание веры, т.е. произнесение шахады вслух; б) ежедневная пятикратная молитва (намаз); в) соблюдение поста; г) паломничество (хадж); д) религиозный налог (закят).

В рамках исследования религиозности и культового поведения городского населения Дагестана не менее важно выявление существующего в массовом сознании представления о государственном устройстве и характере (религиозный/светский) российского общества. В этой связи вполне обоснована постановка вопроса «Какая связь между религиозностью и политическим устройством?» На первый взгляд, кажется никакой связи нет, но в реальности ситуация совершенно противоположная. Институционализированные религии в российском обществе характеризуются активной общественной деятельностью, порой с молчаливого согласия официальной власти. Не вызывает сомнения, что в политизации межрелигиозных взаимоотношений заключается большая опасность для сохранения стабильности и позитивного климата в современном российском обществе. Такая тенденция несет определенную угрозу и национальной безопасности государства, что не раз демонстрировали события российской и мировой истории. Поэтому «светский характер российского государства является базовой политической ценностью, которую поддерживает большинство граждан и конфессиональных сообществ <...> Тенденция клерикализации социальных отношений носит локальный характер и проявляется в основном в Северо-Кавказских субъектах РФ» (Локосов 2006: 83).

В опросе 2020 г. (в сравнении с данными опроса 2014 г.) мы попытались выявить существующие в массовом сознании жителей Дагестана установки относительно типа государства, в котором они хотели бы жить (табл. 6).

Полученные данные показывают доминирование с большим отрывом позиции, демонстрирующей ориентацию городского населения на проживание «в светском государстве со свободой вероисповедания», и здесь обращают на себя внимание установки убежденно верующих (одна вторая

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«В каком государстве вы хотели бы жить?» (%)**

Варианты ответов	В исламском государстве (с нормами шариата)	В светском государстве со свободой вероисповедания	В светском атеистическом государстве	Безразлично
Отношение к религии				
Убеденно верующий	49,8	42,4	1,5	8,3
Верующий	26,2	57,9	2,2	9,2
Коллеблюющийся	9,3	60,5	2,3	20,9
Неверующий	0	47,4	21,1	26,3
Убеденно неверующий	0	11,1	44,4	38,9
Возраст				
До 20 лет	36,8	45,3	0,9	17,9
От 20 до 30 лет	39,4	43,1	4,4	12,4
От 30 до 40 лет	41,9	39,5	4,7	10,9
От 40 до 50 лет	20,5	68,7	3,6	4,8
От 50 до 60 лет	14,9	64,2	9,0	7,5
От 60 лет и старше	16,7	60,0	3,3	6,7
Образование				
Базовое среднее	44,4	27,8	5,6	25,0
Среднее	32,3	48,0	2,4	15,7
Среднее специальное	37,8	46,2	3,4	10,1
Высшее	29,5	55,4	4,4	7,4
Всего	31,8 / 26,2	50,5 / 55,9	4,0 / 2,2	11,3 / 6,7

Примечание: респондентам была дана возможность выбрать несколько вариантов ответов; вторая цифра в графе «Всего» — данные социологического опроса 2014 г.

часть) и верующих (больше половины опрошенных). Анализ по возрасту и образовательному признаку показывает увеличение по обоим параметрам доли респондентов, разделяющих данное суждение. Вторую ранговую позицию занимает вариант ответа «в исламском государстве (с нормами шариата)», отмеченный убежденно верующими, молодым поколением и респондентами с низким образовательным статусом. Существование данной позиции вполне понятно, ибо можно наблюдать широкую вовлеченность именно молодого поколения Дагестана, имеющего низкий образовательный уровень, в религиозное пространство и религиозные движения, в том числе с ярко выраженной радикальной идеологией, используемой террористическими организациями. Очень слабыми выглядят позиции светского с атеистическими установками государственного образования, что также закономерно, ибо мощный рост религиозного сознания и проникновение религии во все социальные сферы дагестанского общества заметно ослабили позиции атеизма и атеистической идеологии. Носители атеистических взглядов зачастую сталкиваются с публичным осуждением, и это не удивляет, если учесть, что число тех, кто предпочел бы проживать «в исламском государстве (с нормами шариата)», как показал сравнительный анализ эмпирических данных за 2014 и 2020 гг., поступательно увеличивается. В опросе 2014 г. доля таковых составляла четвертую часть, а в 2020 г. — уже каждый третий опрошенный. При этом наблюдается снижение доли респондентов, ориентированных на светское государство со свободой вероисповедания. Статистически небольшая часть опрошенных отдает предпочтение позициям «светскому атеистическому государству» и «безразлично».

Заключение

Эмпирические замеры религиозности городских жителей Дагестана позволяют заключить, что в массовом сознании опрошенных имеются определенные расхождения между тем, «что должен делать верующий человек» и «кого относят к категории верующих». Исследование определило позиционный тип религиозности, который опознается по суждению «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», причем его разделяют и респонденты, самоидентифицирующиеся как неверующие и убежденно неверующие. В массовом сознании опрошенных горожан имеет место отождествление веры и нравственности и, более того, даже некоторая категоричность в обозначении «истинно верующий». Существование такой позиции объясняется наличием в массовом сознании дагестанского населения недоверия культовым мусульманским институтам и духовным лицам с разной аргументацией.

Функциональная религиозность городского населения проявляется через: а) самоидентификацию с определенным вероисповеданием, в данном случае с исламом, б) интенсивность религиозной практики. Индикаторы измерения обязанностей и предписаний исповедуемого вероучения показывают не только степень вовлеченности человека в религиозный мир, глубину веры, мировоззренческой убежденности, но и место религии, а также ее институционализированных форм в жизни людей, которые являются носителями различных конфессиональных и мировоззренческих сообществ. Переменной реальной приверженности вероисповеданию и степени религиозности является регулярность соблюдения религиозных норм. Интенсивность религиозно-обрядовой стороны выступает основанием для анализа религиозного сознания человека, потому что основа религиозной веры заключается в ритуале и следовании обрядовому поведению в отношении некоего священного объекта или явления.

Результаты исследования фиксируют значительный разрыв между тем, что должен делать верующий человек (совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать религиозный налог, совершить паломничество и регулярно посещать мечеть, праздновать религиозные праздники, читать религиозные тексты, посещать религиозные службы) и реальным его культовым поведением. Более того, одна восьмая часть опрошенных не соблюдают ни одно из предписаний культового поведения ислама при одновременной самоидентификации себя как «убежденно верующий».

Сравнение результатов исследования 2014 и 2020 гг. является основанием для очень осторожного вывода о том, что происходит изменение в противостоянии «секулярное — религиозное», выражающееся в тотальном проникновении религиозных установок в повседневную частную жизнь граждан, что не может не влиять на модели коллективного поведения. Вероятно, по этой причине потребность личностного общения с Богом в массовом сознании дагестанцев увеличивается, а обозначение соблюдения религиозно-обрядовой стороны конфессии как обязанности верующего выступает своеобразной демонстрацией проявления идентификационных оснований.

Сегодня немало делается для того, чтобы привлечь в русло вероучения ту часть населения, которая ориентируется на атеистические ценности и мировоззренческие установки, что особенно ярко прослеживается на примере городского населения Дагестана: широкое распространение исламского вероучения, доступность многих богословских книг, появление исламских образовательных учреждений различного уровня (мактабы, медресе, университеты), массовое строительство духовных зданий (мечетей), изменение внешнего облика верующего (хиджаб). Это способствует размыванию

границ между миром верующих и неверующих, что находит выражение в установках той части опрошенного городского населения, которая, самоидентифицируясь как неверующие, одновременно обозначает необходимость соблюдения предписаний ислама. Такое амбивалентное отношение к религии отражает неоднозначный характер религиозной идентичности городских жителей Дагестана, когда для одних она связана с вовлеченностью в конфессиональную жизнь при активном культовом поведении, а для других означает культурно-цивилизационную принадлежность, в данном случае к исламской общине.

Итоги исследования в определенной степени сигнализируют о том, что в массовом сознании жителей дагестанских городов происходят изменения, обусловленные существенно возросшим за прошедший период влиянием религии, в данном случае ислама, в целом на общество и на отдельные социальные сферы. Особенно сильное воздействие оказывается на сознание молодежи, которая активно вовлекается в религиозные движения и организации на фоне укрепившейся роли ислама в современном дагестанском обществе. Однако необходимо учитывать, что констатация значительного повышения уровня религиозности обесценивается утверждениями о несоответствии религиозного мировоззрения и религиозных установок людей, которые самоидентифицируются как верующие. Иными словами, обозначение своего отношения к религии (верующие/неверующие) и соответствующее каждому из этих типов культовое поведение существенно между собой расходятся, а зачастую и вовсе не согласуются.

Таким образом, можно утверждать, что сценарий роста религиозной активности населения в формате активного культового поведения результатами нашего исследования не подтверждается, при том что имеются все основания для прогноза о существенном изменении религиозного мировоззрения людей. Но какого рода эти изменения? Нам представляется, что их природа коренится на стыке светского и религиозного миров, в дагестанской реальности очень тесно переплетенных благодаря динамике религиозного возрождения постсоветских лет, чем и объясняются тенденции роста пассивности среди верующих мусульман в плане культовой деятельности. Религия, проникая в социальную ткань отношений и взаимодействий, пронизывая саму социальность, утрачивает свои четкие границы между сакральным и житейским, становясь частью повседневности. Плохо это или хорошо? Думается, что здесь важны не столько оценочные позиции, сколько признание того факта, что данная тенденция, связанная со снижением культовой активности верующих мусульман, вполне закономерна, как и расхождение между установками в массовом сознании и реальными практиками в религиозной сфере. Объясняется

это тем, что установки, ценности, заложенные в ментальности, в исторической памяти общества, меняются значительно медленнее, сохраняя свою значимость на уровне представлений о том, как должно быть. Реальность же вносит свои коррективы в социальные практики, в том числе религиозные. И если выявляется подобная ситуация расхождения между идеальным и реальным, то, очевидно, имеет смысл поставить вопрос об адекватности реалиям ценностно-нормативной, поведенческой и мировоззренческой основы того, что определяет социальные практики — в данном случае в сфере религии. В дагестанском обществе не сложилось согласия по поводу того, какой тип государственного устройства наиболее желательный, хотя наибольшие предпочтения были отданы светскому государству, функционирующему по принципу свободы вероисповедания. Нет четких установок и относительно того, кого следует или не следует считать истинно верующим в соотношении с культовыми практиками, что в целом позволяет рассматривать религиозность в дагестанском обществе как явление, динамично трансформирующееся на стыке светского и религиозного, современного и традиционного. Облик дагестанского общества во многом зависит от вектора этой религиозной трансформации, а следовательно, данная проблематика по праву должна находиться в фокусе региональных социологических исследований. Их результаты позволят принимать своевременные и соответствующие конфессиональным реалиям Дагестана управленческие решения с целью гармонизации конфессиональных отношений и трансляции соответствующих этой цели идей и ценностей ответственным за религиозное воспитание организациям и структурам.

Литература

- Алексеев Н.П. (1967) Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). *Вопросы научного атеизма. Вып. 3*. М.: Мысль: 131–150.
- Анурин В.Ф. (2013) Религия как фактор социальной интеграции. *Социологические исследования*, 1: 135–146.
- Балтанов Р.Г. (1973) *Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания: (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР)*. Казань: Изд-во Казан. ун-та.
- Бенигсен А. (1983) *Мусульмане в СССР*. Paris: YMCA-PRESS.
- Дулуман Е.К., Роменец В.А. (1974) Мотивация верующими своей религиозности и вопросы индивидуальной работы. *Индивидуальная работа с верующими*. 2-е изд. М.: Мысль: 82–90.
- Дивисенко К.С. (2011) Религиозность в структуре жизненного мира. *Социологический журнал*, 4: 84–100.

Ильясов Ф.Н. (1987) Религиозное сознание и поведение. *Социологические исследования*, 3: 50–55.

Исаева В.Б. (2019) Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности. *Социологические исследования*, 9: 31–50. doi: 10.31857/S013216250006656-4.

Кобецкий В.Д. (1978) *Социологическое изучение религиозности и атеизма*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Кублицкая Е.А. (1990) Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения. *Социологические исследования*, 5: 95–103.

Лебедев А.А. (1970) Секуляризация населения социалистического города. Курочкин П.К. (отв. ред.) *К обществу, свободному от религии (процесс секуляризации в условиях социалистического общества)*. М.: Мысль.

Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. (2013) Тесный путь не туда? *Социологические исследования*, 1: 118–126.

Локосов В.В. (2006) Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? *Социологические исследования*, 11: 82–97.

Лобовик Б.А. (1982) *Религия как социальное явление*. Киев: Вища школа.

Митрохин Л.Н. (1995) Религиозная ситуация в современной России. *Социологические исследования*, 11: 79–81.

Насыров И. (2018) Пост-ислам или культурный ислам? *Философская антропология*, 4(1): 46–54.

Овсиенко Ф.Г., Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. (отв. ред.) (1996) *Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние)*. М.: Изд-во РАГС.

Пивоваров Д.В. (2009) *Онтология религии*. СПб.: Владимир Даль.

Пруцкова Е.В. (2013) Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере. *Социологический журнал*, 2: 72–88.

Рамазанов Р.О. (2018) Причины радикализации мусульман Северного Кавказа (на материалах Республики Дагестан). *Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*, 1(2): 154–159.

Руткевич Е.Д. (2017) Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии. *Вестник Института социологии*, 8(1): 132–161. doi: 10.19181/vis.2017.20.1.447.

Рыжова С.В. (2019) Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия. *Социологические исследования*, 2: 49–58. doi: 10.31857/S013216250004006-9.

Сапрыкин В.А. (1990) *Трудовой коллектив: атеисты и верующие*. М.: Политиздат.

Смирнов М.Ю. (2014) Религиозная социология и социология религии. *Социологические исследования*, 8: 136–142.

Чеснокова В.Ф. (2005) *Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века*. М.: Академический проект.

- Танчер В.К. (1979) *Религиозные пережитки и их преодоление*. Киев: Политиздат Украины.
- Тиллих П. (2015) *Избранное. Теология культуры*. Пер. с англ. и сост. С.Я. Левит, С.В. Лезов. СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Уринович Д.М. (1985) *Введение в религиозоведение*. М.: Мысль.
- Узланер Д.А. (2010) Советская модель секуляризации. *Социологические исследования*, 6: 62–69.
- Фромм Э. (1998) *Анатомия человеческой деструктивности*. Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ-ЛТД.
- Юнг К.Г. (2014) *Психология и религия. Избранные работы*. Пер. и сост. А.М. Руткевич. СПб.: Изд-во РХГА.
- Яблоков И.Н. (1979) *Социология религии*. М.: Мысль.
- Bainbridge S.W. (2007) *Across the Secular Abyss: From Faith to Wisdom*. Lanham: Lexington Books.
- Berger P. (1999) The Desecularization of the World A Global Overview. In: Berger P. (ed.) *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. Washington: Ethics and Public Policy Center: 1–18.
- Berger P., Davie G., Focas E. (2008) *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Aldershot, UK: Ashgate.
- Beningsen A., Wimbush S.E. (1985) *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Casanova J. (2008) Public Religions Revisited. In: de Vries H. (ed.) *Religion: beyond the Concept*. N.Y.: Fordham University Press: 101–119.
- Finke R., Stark R. (1986) Turning Pews into People: Estimating Nineteenth-Century Church Membership. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 25: 180–192.
- Grant T. (2008) Measuring aggregate religiosity in the United States, 1952–2005. *Sociological Spectrum: Mid-South Sociological Association*, 28 (5): 460–476.
- Geertz C. (1968) *Islam Observed: Religious Development in Indonesia and Morocco*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gellner E. (1968) A Pendulum Swing Theory of Islam. *Archives Marocaines de Sociologie*, 1: 5–14.
- Gellner E. (1981) *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glock C.Y. (1964) The Role of deprivation in the origin and evolution of religious groups. In: Lee R., Marty M.E. (eds.) *Religion and Social Conflict*. N.Y.: Oxford University Press.
- Glock C.Y., Stark R. (1965) *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally.
- Hervieu-Léger D. (1999) *Le pèlerin et le converti. La religion en mouvement*. P.: Flammarion.
- Ramadan T. (1999) *To be a European Muslim*. Leicester: Islamic Foundation.

Ramadan T. (2004) *Western Muslims and the Future of Islam*. Oxford: University Press.

Stark R., Bainbridge W.S. (1985) *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley: University California press.

Stark R., Bainbridge S.W. (1996) *Religion, Deviance, and Social Control*. N.Y.: Routledge.

Stark R., Bainbridge W.S. (1996) *A Theory of Religion*. New Jersey: Rutgers University Press.

Warner W.L. (1961) *Family of God: A Symbolic Study of Christian Life in America*. New Haven: Yale University Press.

Wilson B.R. (1961) *Sects and Society: A Sociological Study of the Elim Tabernacle, Christian Science, and Christadelphians*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

DYNAMICS OF RELIGIOSITY OF DAGESTAN URBAN POPULATION

Madina Shakhbanova^a (madina2405@mail.ru),
Anna Vereshchagina^b (anrietta25@mail.ru)

^a Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

^b Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Citation: Shakhbanova M., Vereshchagina A. (2021) Dinamika religioznosti gorodskogo naseleniya Dagestana [Dynamics of religiosity of Dagestan urban population]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 144–180 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.6>

Abstract. The religious factor in the history of mankind has always played an important role. Its influence had both positive and destructive consequences in various epochs. At the present stage the influence of this factor is just as ambiguous, but it is obvious that it is associated with a new round of transformation of religiosity at the intersection of the secular and the sacred in the space of everyday life. The character of Dagestan society which in some way, like many other regions of the post-Soviet space, is experiencing a religious renaissance largely depends on the vector of religious transformation, the indicator of which is the degree, nature and dynamics of the religiosity of the population in relation to the peculiarities of cult behavior. In this work the focus of sociological attention is on the religiosity of the urban population of Dagestan, the indicator of which is measured in the dynamic aspect by the concept of “true believer”; its semantic content

is crucial in the analysis of religious identity and religious behavior of a person. The empirical verification of the ideas laid down at the level of the research concept was carried out on the basis of the authors' sociological surveys of the urban population of Dagestan: in 2020 (N=563) and in 2014 (N=704). The results of these studies became the basis for the conclusion about the observed erosion of the opposition "secular — religious" between the two worlds with a deep penetration into the fabric of social relations and the institutional organization of the Dagestan society of norms and principles of a religious nature. The authors conclude that the scenario of the growth of religiosity among the urban population of Dagestan is not associated with active ritual behavior, but indicates changes at the level of religious worldview. Tracking them at the level of sociological measurements is a promising area of subsequent research in view of the significant dependence of the socio-cultural dynamics of Dagestan society on the religious factor.

Keywords: religiosity, urban population, urban space, religion, cult behavior, parameters of religiosity, Dagestan society.

References

- Alekseev N.P. (1967) *Metodika i rezul'taty izucheniya religioznosti sel'skogo naseleniya (na materialah Orlovskoj oblasti)* [Methods and results of studying the religiosity of the rural population (based on the materials of the Orel region)]. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of scientific atheism]. Vyp. 3. Moscow: Mysl': 131–150 (in Russian).
- Anurin V.F. (2013) *Religiya kak faktor socialnoj integracii* [Religion as a factor of social integration]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 135–146 (in Russian).
- Baltanov R.G. (1973) *Sociologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya: (Problemy konkretno-sociologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR)* [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education: (Problems of specific sociological analysis of religion and atheism in the USSR)]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta (in Russian).
- Benningsen A. (1983) *Muslims in the USSR*. Paris: YMCA-PRESS.
- Benningsen A., Wimbush S.E. (1985) *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Bainbridge S.W. (2007) *Across the Secular Abyss: From Faith to Wisdom*. Lanham: Lexington Books.
- Berger P. (1999) The Desecularization of the World A Global Overview. In: Berger P. (ed.) *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. Washington: Ethics and Public Policy Center: 1–18.
- Berger P., Davie G., Focas E. (2008) *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Aldershot, UK: Ashgate.
- Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Casanova J. (2008) Public Religions Revisited. In: de Vries H. (ed.) *Religion: beyond the Concept*. New York: Fordham University Press: 101–119.

Chesnokova V.F. (2005) *Tesnym putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka* [Thin path: process of church orientation of people of Russia in the end of XX century]. Moscow: Akademicheskij Proekt (in Russian).

Divisenko K.S. (2011) Religioznost v strukture zhiznennogo mira [Religiosity in structure of life world]. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal], 4: 84–100 (in Russian).

Duluman E.K., Romenets V.A. (1974) *Motivaciya veruyushhimi svoej religioznosti i voprosy individualnoj raboty* [Believers' motivation for their religiosity and issues of individual work]. Individualnaya rabota s veruyushhimi [Individual work with believers]. 2nd ed. Moscow: Mysl: 82–90 (in Russian).

Fromm E. (1998) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human distraction]. Per. s nem. E.M. Telyatnikovoy. Moscow: Izdatelstvo AST-LTD (in Russian).

Finke R., Stark R. (1986) Turning Pews into People: Estimating Nineteenth-Century Church Membership. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 25: 180–192.

Grant T. (2008) *Measuring aggregate religiosity in the United States, 1952–2005*. Sociological Spectrum: Mid-South Sociological Association, 28(5): 460–476.

Glock C.Y. (1964) The Role of deprivation in the origin and evolution of religious groups. In: Lee R., Marty M.E. (eds.). *Religion and Social Conflict*. New York: Oxford University Press.

Glock C.Y., Stark R. (1965) *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally.

Geertz C. (1968) *Islam Observed: Religious Development in Indonesia and Morocco*. Chicago: University of Chicago Press.

Gellner E. (1968) A Pendulum Swing Theory of Islam. *Archives Marocaines de Sociologie*, 1: 5–14.

Gellner E. (1981) *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Iyasov F.N. (1987) Religioznoe soznanie i povedenie [Religious consciousness and behavior] *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 50–55 (in Russian).

Isaeva V.B. (2019) Teoriya deprivatsii kak instrument izucheniya netradicionnoj religioznosti [Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 31–50. doi: 10.31857/S013216250006656-4 (in Russian).

Kobetskiy V.D. (1978) *Sociologicheskoe izuchenie religioznosti i ateizma* [Sociological study of religiosity and atheism]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta (in Russian).

Kublitskaya E.A. (1990) Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost: opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 95–103 (in Russian).

Lebedev A.A. (1970) Sekulyarizaciya naseleniya socialisticheskogo goroda [Secularization of people of socialist city]. In: Kurochkin P.K. (ed.) *K obshhestvu, svobodnomu ot religii (Process sekulyarizatsii v usloviyax socialisticheskogo obshhestva)* [To the society free from religion (Process of secularization in conditions of socialist society)]. Moscow: Mysl (in Russian).

Lebedev S.D., Sukhorukov V.V. (2013) Tesnyj put ne tuda? [Thin path is wrong way]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 118–126 (in Russian).

Lokosov V.V. (2006) Vliyaet li religioznost na politicheskuyu konsolidaciyu obshhestva? [Does religiosity affect the political consolidation of society?] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 82–97 (in Russian).

Lobovik B.A. (1982) *Religiya kak socialnoe yavlenie* [Religion as a social phenomenon]. Kiev: Vishha shkola (in Russian).

Mitrokhin L.N. (1995) Religioznaya situatsiya v sovremennoj Rossii [Religious situation in modern Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 79–81 (in Russian).

Nasyrov I. (2018) Post-Islam or cultural Islam? *Philosophical Anthropology*, 4(1): 46–54 (in Russian).

Hervieu-Léger D. (1999) *Le pèlerin et le converti. La religion en mouvement*. Paris: Flammarion.

Ovsienko F.G., Odintsov M.I., Trofimchuk N.A. (otv. red.) (1996) *Gosudarstvenno-cerkovnyye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie)* [State-church relations in Russia (past experience and modern condition)]. Moscow: Izd-vo RAGS (in Russian).

Pivovarov D.V. (2009) *Ontologiya religii* [Ontology of religion]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Prutskova E.V. (2013) Religioznost i ee sledstviya v cennostno-normativnoj sfere [Religiousness and its consequences in the value-normative sphere]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 72–88 (in Russian).

Ramazanov R.O. (2018) Prichiny radikalizatsii musulman Severnogo Kavkaza (na materialax Respubliki Dagestan) [Reasons for the radicalization of Muslims in the North Caucasus (based on materials from the Republic of Dagestan)]. *Acta Historica: trudy po istorii, arxeologii, etnografii i obshhestvoznaniyu* [Act of History: works on history, archeology, ethnography and social studies], 1(2): 154–159 (in Russian).

Ramadan T. (1999) *To be a European Muslim*. Leicester: Islamic Foundation.

Ramadan T. (2004) *Western Muslims and the Future of Islam*. Oxford: University Press.

Rutkevich E.D. (2017) Religiya v globalnom prostranstve: podxody, opredeleniya, problemy v zapadnoj sociologii [Religion in global area: approaches, definitions, problems in west sociology]. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 8(1): 132–161. doi: 10.19181/vis.2017.20.1.447 (in Russian).

Ryzhova S.V. (2019) Religioznost, etnokonfessionalnaya identichnost i problemy mezhetnicheskogo soglasiya [Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 49–58. doi: 10.31857/S013216250004006-9 (in Russian).

Saprykin V.A. (1990) *Trudovoj kollektiv: ateisty i veruyushhie* [Labor community: atheists and believers]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Stark R., Bainbridge W.S. (1985) *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley: University California Press.

Stark R., Bainbridge S.W. (1996) *Religion, Deviance, and Social Control*. New York: Routledge.

Stark R., Bainbridge W.S. (1996) *A Theory of Religion*. New Jersey: Rutgers University Press.

Smirnov M.Y. (2014) Religioznaya sociologiya i sociologiya religii [Religious sociology and sociology of religion]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 136–142 (in Russian).

Tancher V.K. (1979) Religioznye perezhitki i ikh preodolenie [Religious Remnants and Overcoming Them]. Kiev: Politizdat Ukrainy (in Russian).

Tillich P. (2015) Izbrannoe. Teologiya kultury [The best works. Theology of culture.]. Per. s angl. i sost. S.Y. Levit, S.V. Lezov. St. Petersburg: Tsentр gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Warner W.L. (1961) *Family of God: A Symbolic Study of Christian Life in America*. New Haven: Yale University Press.

Wilson B.R. (1961) *Sects and Society: a Sociological Study of the Elim Tabernacle, Christian Science, and Christadelphians*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Ugrinovich D.M. (1985) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religion science]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Uzlaner D.A. (2010) Sovetskaya model sekulyarizatsii [Soviet model of secularization]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 62–69 (in Russian).

Yung K.G. (2014) *Psikhologiya i religiya. Izbrannye raboty* [Psychology and religion. The best works]. Per. i sost. A.M. Rutkevicha. St. Petersburg.: Izd-vo RXGA (in Russian).

Yablokov I.N. (1979) *Sociologiya religii* [Sociology of religion]. Moscow: Mysl' (in Russian).